В обратную сторону

Автор:
Роман Сенчин

В обратную сторону

Роман Валерьевич Сенчин

"Торговля сегодня получилась удачнее, чем во вторник. Погода помогла – не жарило, но и пугающих дождем туч ветерок не нагнал. Серовато-белесая хмарь расстелилась по небу, словно кисейная занавеска. Редкий для июля денек – тут в основном или настоящее пекло, или, наоборот, гроза и обложной дождь на неделю; да к тому же впереди выходные, их хочется провести ни о чем не заботясь, не покидая родных квартир. И люди повалили на рынок с сумками и пакетами – продуктами запасаться".

Роман Сенчин

В обратную сторону

Торговля сегодня получилась удачнее, чем во вторник. Погода помогла – не жарило, но и пугающих дождем туч ветерок не нагнал. Серовато-белесая хмарь расстелилась по небу, словно кисейная занавеска. Редкий для июля денек – тут в основном или настоящее пекло, или, наоборот, гроза и обложной дождь на неделю; да к тому же впереди выходные, их хочется провести ни о чем не заботясь, не покидая родных квартир. И люди повалили на рынок с сумками и пакетами – продуктами запасаться.

К трем часам у Натальи Сергеевны осталось на прилавке несколько пучков укропа и батуна, лук головками и килограмма два не слишком-то аппетитных, с желтоватыми попками, огурцов. Огурцы поменяла у соседки-конфетницы на пригоршню барбарисок (лучше б шоколадных, конечно, конфет, только съедятся

они в минуту, а эти сосательные – ребятишки с ними повозятся, хоть просить будут реже). Упаковав весы, Наталья Сергеевна пробежалась по рядам, купила макарон, чаю, бараньих ребрышек, трусики для Юры за семнадцать рублей. Пора и на автобус.

По городу вместо вместительных желтых «ЛиАЗов» бегают маленькие, шустрые «ПАЗы», еще какие-то кособокие, остроносые коротышки; на боковых и лобовых стеклах у них у всех объявления большими буквами: «БЕЗ ЛЬГОТ!»

Несколько уж лет назад закрылся местный автобусный парк, старые, изломанные «ЛиАЗы» ржавеют на его территории, зато расплодились вот эти, коммерческие, с крепкими парнями-кондукторами у входа. Три рубля проезд для всех категорий – инвалид ты, не инвалид, ветеран, не ветеран. Зато причаливают к остановкам, грех жаловаться, один за другим. Прибыльное, видно, дело, и люди, хоть и ворчат, что дорого, пешком не ходят. Да и как тут походишь – город все-таки не в один километр, и весь день можно потратить, чтоб с одного конца до другого добраться, если здоровье худое.

В начале семидесятых, когда автовокзал поставили, город вроде расстраивался рядом с ним, а потом вдруг переметнулся на противоположный край. Закипело там что-то большое, шумное, и вскоре поползли вверх девятиэтажки из белых панелей. Между ними, конечно, нашел себе место и рынок (старый, «колхозный», давно уже захирел, всеми забылся, а недавно вдобавок сгорел почти целиком)… Наталье Сергеевне нужно с рынка на автовокзал, ей без этого коммерческого, за три рубля, не обойтись.

Вон, едет. Народ на остановке заволновался, старики стали подступать ближе к проезжей части, чтоб первыми оказаться в салоне, занять сиденья. Наталья Сергеевна покрепче сжала ручки трех своих сумок, с которыми, туго набитыми, утром приехала торговать.

На пути в салон ледяной глыбищей – неулыбчивый парень. Обилечивает при входе. Это новый метод у них, научены скандалами, когда какой-нибудь пенсионер или молодой наглец, приехав, куда ему надо, вырывался на улицу, не заплатив. А вот так, если подумать, даже удобнее: взяли с тебя деньги – и спокойно езжай хоть до конечной.

Слава богу, есть сиденья свободные. Наталья Сергеевна устроилась недалеко от выхода, облегченно вздохнула, расслабилась. Но здесь бы можно и постоять, главное – чтоб с деревенским повезло…

За окном длиннющие, буквами «П» и «Г», жилые дома нового микрорайона, пестрой лентой бегут-спешат куда-то «Жигули», «Москвичи», «Ауди», веселят взгляд рекламные вывески. А в автобусе тихо и неуютно, люди молчаливые, хмурые, даже мужья с женами ведут себя как чужие. Да и о чем говорить?… Едут и едут.

Перебрались по мосту через широкую, но сонную, словно отдыхающую после долгого путешествия по саянским ущельям, реку Ою и оказались в старой части города. Вот Соборная площадь, вот сам собор, большой, белый, с пятью золочеными куполами, напротив него – двухэтажное здание бывшей городской управы, а ныне музей… Город некогда был центром большого пограничного уезда, потом, уже в тридцатые годы, территорию уезда разрезали на пять районов и понизили его столицу до простого райцентра. Но город – он город и есть, особенно если один на несколько сот километров…

А вот старинный каменный дом с полуосыпавшимися лепными цветами на стенах – собес. Надо зайти бы, опять справиться насчет пенсии, но сегодня уже не успеть, да и заходила две недели назад, сказали – как обрубили: «Ничего в обход закона сделать не можем. Будет живой – получите, нет – так что делать… Не имеем права». Вообще-то так, но если, не дай бог, умрет, на что ж хоронить…

Автовокзал с виду – прямо дворец. Даже две колонны перед центральным входом держат бетонную плиту-козырек, а на козырьке тесной рощицей – крепкие стволья полыни.

Да, грандиозное здание, а вот оказалось ненужным. Буфет прикрыли сперва на ремонт, но теперь, кажется, навсегда; туалет как сломался, так заколотили дверь гвоздями, вместо него построили деревянный сортир на улице. А прошлой осенью и кассы упразднили, и с тех пор три полукруглых окошечка вечно зашторены. Плату собирают сами водители, набивают автобусы до отказа. Раньше как было строго – только на сиденья продавали билеты, всё контролеров боялись, ссылались на технику безопасности, но зато автобус давали большой – «ЛАЗ» или даже «Икарус» (ох, настоящей автобусной специалисткой с этими поездками стала), теперь же неизменно – крошечный «пазик».

При посадке случаются ссоры, крик, бывают и потасовки среди мужиков; едут, как кильки в томате, обязательно кому-то плохо становится, детишек от тесноты и тряски тошнит… Писали, говорят, жалобы, к главе администрации даже пытались сходить. Везде вместо помощи дают понять, что, наоборот, благодарить должны, что вообще рейс этот не закрыт, как другие многие. «Убыточно», – говорят. А что значит убыточно? Билет до Большой Кои двадцать три рубля, а ехать пятьдесят с небольшим километров. Десять пассажиров – вот и окупается и бензин, и остальное. Но с начальниками особенно ведь не поспоришь: дадут от ворот поворот – и гуляй…

С городского – рысцой к деревенскому. «Пазик» уже на положенном месте – под указателем «Большая Коя». Шофер у двери собирает плату, запуская по одному. У Натальи Сергеевны деньги наготове – восемнадцать рублей в кулаке. Ей до села Малая Коя, оно к городу ближе.

Пока бежала, все вглядывалась в окна автобуса – есть ли просвет, есть ли места свободные. Дал бы бог… Как раз соседка по улице с шофером рассчитывается, попросить ее, чтоб заняла место. Но за соседкой две старушки, еле на ногах держатся, еще сзади – парень лет тридцати пяти, крепкий и ладный на вид, только вот вместо рук слишком розовые и гладкие для живой кожи протезы. Как тут попросишь… Наталья Сергеевна пристроилась за инвалидом, вынула из кармана кофты часики с порванным ремешком. Три двадцать. До отхода еще почти полчаса. И эти полчаса придется провести в тесном и душном салоне. Сходить куда-нибудь время-то есть – по магазинам бы пробежаться, обязательно попадется, что необходимо купить, – но потом и вообще не втиснешься. Бывает так «пазик» забит, что и дверца не может закрыться.

– Здесь деньги, возьми, – слегка приподнимает парень своими протезами висящую на шее сумку. – До Большой Кои…

Шофер заглянул в сумку, достал скрученные в трубку купюры, пересчитал, разрешил:

– Заходи. – И потянулся к деньгам Натальи Сергеевны: – Куда едем?…

На эти рейсы тоже никаких льгот, кроме двух бесплатных поездок в месяц инвалидам первой и второй групп. Но талончики достать – целая проблема, их почему-то вечно не хватает, а ведь должны носить вместе с пенсией… Наталья

Сергеевна инвалидности не удостоилась, хотя астма у нее, бывают страшные приступы; несколько раз пыталась пройти комиссию, но безрезультатно. Мужу талоны положены, только какой ездок из него… Год почти лежит без движения, от мертвого не отличишь… Тоже ходила, просила, чтоб самой по его талончикам ездить: «Лекарства купить, с врачами посоветоваться». – «Нельзя, – в ответ каждый раз, – так не положено. И удостоверение инвалида к талону необходимо. Без удостоверения на лицо, предъявляющее талон, он недействителен». И точка.

Сиденья не хватило. Придется стоять. Пробралась, здороваясь по пути со знакомыми, в конец салона, где давка всегда несколько меньше. Положила сумки к гудящим, отяжелевшим ногам. Полчаса до отъезда, потом минут сорок трястись. О дальнейшем лучше пока что не думать – там-то, дальше, самое будет тяжелое.

– Что, Сергевна, с базара? – встретившись с ней глазами, спрашивает малознакомая женщина с другого края села, имени-отчества которой Наталья Сергеевна не знает.

– Да, съездила вот, – без особого желания отвечает она.

– И как – расторговались?

Наталье Сергеевне не хочется говорить об этом, тем более когда вокруг столько людей, и она лишь отмахивается: неважно, мол.

Женщина как-то одновременно и сочувствующе, и укоризненно кивает, покачивая колечками завитых рыжих волос, и достает из пакета красочный журнальчик «Сторожевая башня».

Постепенно «пазик» забивается все плотней. Впереди выходные, многие едут к родне в деревню, все с сумками, рюкзаками, ведрами. А один вот, будто не знает, что тут и людям не уместиться, притащил на горбу обернутый мешковиной рулон толя.

– Живым бы уехать, а он еще толь этот вонючий! – заворчала немолодая полная женщина с лицом начальницы; Наталья Сергеевна определила ее бухгалтершей или завучем в школе.

– И не пускать! Еще чего!.. Пускай машину нанимает, барон! – поддержали другие. – И так вон впритык, задыхаемся!..

Выступали в основном пожилые, молодежь же, особенно те, кому посчастливилось урвать место на сиденьях, даже не интересовались, отчего шум. Одни доедали мороженое, другие щелкали семечки или шептались между собой; щуплый темноволосый паренек, сын бывших учителей Сазоновых, увлеченно – или делая вид, что увлеченно, чтоб не поднимать глаз, не видеть стоящих стариков, – читал книгу.

Возмущение пассажиров не помогло – водитель все-таки пустил мужичка. Сам и помог уложить рулон в проходе. Люди все еще поругивались, но теперь без азарта, поняв, что бесполезно.

Водитель, примирительно лыбясь, прогудел:

– Хорош ворчать. Надо человеку срочно, до циклона, зачинить избу. Должны ж соображать…

– Всем надо чинить, так не лезут же с досками, с шифером, совесть имеют, – плеснулась последняя волна недовольства, и снова тяжелое молчание; все ждут одного – когда тронутся.

– Шофер, да поехали! – не выдержав, вскричал старик с орденом. – Чего еще ждать?

Тут же многоголосая поддержка с разных сторон:

– Действительно! Кому надо – давно здесь! Заводи!

– Аха, – в ответ ухмылка водителя, – чтоб мне влетело потом.

– Да от кого…

– От кого… У меня, что ль, начальства нет?

– А-а, какое начальство! Набил автобус, деньги собрал, потом отдал хозяевам, сколько надо. И все.

– Ух ты! – Водитель снова ухмыльнулся, но на этот раз совсем уж не добродушно. – Эт кто там такой образованный? Покажись-ка! – Никто не показался. – То-то, ждите тогда. – И подчеркнуто не спеша стал разминать сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roman-senchin/v-obratnuyu-storonu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить